

Munich Personal RePEc Archive

Regional Variations of Civil Society and Judiciary in Russia

Alexander Libman and Vladimir Kozlov

Frankfurt School of Finance & Management and Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics

2012

Online at <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/53564/>

MPRA Paper No. 53564, posted 10. February 2014 06:32 UTC

А.М. Либман*, В.А. Козлов**

Региональные вариации гражданского общества и судопроизводство в России

Введение

Россия 1990-х гг. представляла собой, наверное, один из наиболее ярких примеров многоуровневого процесса трансформации¹: и политические, и экономические реформы в различных регионах России следовали сильно различающимся траекториям. Одним из результатов этого процесса стало формирование в России сильно отличающихся друг от друга региональных политических режимов: если в одних регионах сложились конкурентные демократические системы, то в других или старым советским элитам, или новым лидерам удалось установить жесткий контроль и свести к минимуму политическую конкуренцию и плюрализм². Различия регионов во многом были связаны с особенностями функционирования механизмов принятия решений: формальными институтами³ и неформальными политическими практиками⁴. Однако не менее важную роль в эволюции региональных политических режимов сыграли и различия в уровне развития гражданского общества.

Гражданское общество вызывает особый интерес, поскольку речь идет о крайне устойчивом параметре, изменить который гораздо сложнее, чем особенности функционирования политических элит и тем более формальные институты. Действительно, исследования подтверждают, что

* Александр Михайлович Либман – д.э.н., PhD, старший научный сотрудник Института экономики РАН и младший профессор Франкфуртской школы финансов и управления

** Владимир Александрович Козлов – к.э.н., младший научный сотрудник Института экономики РАН, преподаватель Национального исследовательского университета - Высшая школа экономики

¹ См. Ананьин О. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005; Глинкина С. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М.: ИЭ РАН, 2008; Obydenkova A. A Triangle of Russian Federalism: Democratization, (De-) Centralization, and Local Politics. // Publius: Journal of Federalism. 2011. Vol. 41. No. 4

² Gel'man V. Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective. // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No. 6

³ Козлов Ю.М., Попов Л.Л. (ред.) Административное право. М.: Юрист, 1999

⁴ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа. // ПОЛИС. 2009. №2

корни вариации уровня развития гражданского общества в регионах России можно проследить еще в характеристиках регионов советского (или даже досоветского⁵) периода: например, развитии кооперативов⁶ или распространенности членства в КПСС⁷. С другой стороны, хотя за последнее десятилетие центру и удалось в большинстве регионов ликвидировать существовавшие в них ранее влиятельные политические машины (или, как минимум, встроить их в систему «вертикали власти»), гражданское общество оказалось гораздо более устойчивой характеристикой, оказывающей сильное влияние, например, на поведение электората на думских выборах 2011 г.⁸ Поэтому исследование данного параметра позволяет выявить характеристики российских регионов, способные оказать воздействие на их развитие и в будущем на протяжении длительного периода времени и устойчивые к изменениям политической ситуации.

В настоящей работе мы рассмотрим вариацию гражданского общества в России с двух точек зрения. Во-первых, на основе простого эконометрического анализа мы обсудим факторы, определяющие дифференциацию в развитии гражданского общества в российских регионах, или, как минимум, характеризующиеся высокой корреляцией с последним. Во-вторых, мы попытаемся исследовать последствия вариации уровня развития гражданского общества. Гражданское общество — характеристика, влияющая на крайне широкий спектр процессов в регионах, не ограничиваясь собственно политической сферой. В какой-то степени оно влияет и на особенности функционирования экономической системы (особенно в странах со слабыми формальными институтами, где

⁵ Lankina T. Historical Influences on Regional Democracy Variations in Russia: The Forgotten Legacies of Western Engagement. Mimeo, 2010

⁶ Ср.: Menyashev R. Consumer Cooperatives and Liberal Idea in Russia. HSE Basic Research Program Working Paper. Economics. No. WP BRP 05/EC/2011, 2011

⁷ См.: Libman A., Obydenkova A. CPSU Legacies and Regional Democracy in Contemporary Russia. // Political Studies, forthcoming

⁸ См.: Obydenkova A., Libman A. National Autocratization and the Survival of Sub-National Democracy: The Role of Regions in the Parliamentary Elections of 2011. // Acta Politica, 2013, Vol. 48, No. 4

крайне важной является неформальная координация игроков⁹). В настоящей работе мы рассмотрим параметр, которому до сих пор уделялось крайне мало внимания в литературе: воздействие гражданского общества на характеристики *уголовного судопроизводства*. Мы покажем, что различия в уровне развития гражданского общества оказывают серьезное влияние на поведение судей и обсудим возможные причины наблюдающихся эффектов.

В дальнейшем работа будет построена следующим образом. Во втором разделе мы попытаемся дать более точное определение концепции «гражданское общество», а также обсудим возможности и ограничения применения количественных исследований в этой области. Третий раздел посвящен движущим факторам вариации гражданского общества в регионах России. Четвертый раздел рассматривает взаимосвязь гражданского общества и уголовного судопроизводства.

Количественные оценки гражданского общества

Как представляется, для эмпирического исследования «гражданское общество» целесообразно определять на основе трех критериев: речь идет о (1) спонтанной самоорганизации общества, (2) направленной на воздействие на политические решения государства, но (3) не являющейся интегральной частью политической системы. Каждый из трех перечисленных нами элементов является необходимым как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения.

Первый критерий позволяет отделить гражданское общество от разнообразных централизованных структур, создающихся государством. В частности, крайне важно провести различие между собственно гражданским обществом и «организованными государством

⁹ О воздействии социального капитала на экономическое развитие городов России см.: Menyashev R., Polishchuk L. Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia. HSE Working Paper No. WP10/2011/01, 2011

неправительственными организациями» (ГОНГО) – формально общественными структурами, на самом деле создающимися властью как инструменты реализации политики. В России власти активно применяли такие структуры еще с советского периода и продолжают делать это сегодня.

Второй критерий направлен на «отсеивание» спонтанных сообществ, существующих вне связей с государством и не пытающихся воздействовать на политику – скажем, неформальных торговых сетей. Отказ от включения данного критерия в определение привел бы к тому, что мы вынуждены были бы рассматривать как примеры гражданского общества многочисленные архаические способы самоорганизации, существовавшие до возникновения государства или в условиях слабости государственных институтов¹⁰ и, соответственно, получили бы завышенную оценку «гражданского общества» в сравнительно менее развитых регионах. Можно ли, скажем, говорить о развитом гражданском обществе в регионах Северного Кавказа, где, действительно, альтернативы публичной власти в разрешении конфликтов существуют и даже успешно развиваются в последние годы – но связаны именно с архаичными практиками?

Наконец, третий критерий позволяет исключить организации, ставшие неотъемлемой частью политического механизма принятия решений, и, следовательно, утратившие четкие признаки самоорганизации (скажем, парламентские фракции). Отказ от этого критерия привел бы к практически полному отождествлению гражданского общества и политической сферы, в то время как с аналитической точки зрения их все же целесообразно различать. Например, если мы пытаемся понять, как связаны гражданское общество и демократия, а степень развития

¹⁰ Powell B., Stringham E.P. Public Choice and the Economic Analysis of Anarchy: A Survey. // Public Choice. 2009. Vol. 140. No. 3-4

политических партий *входит в число критериев* демократии, учет политических партий как институтов гражданского общества делает ответ на наш вопрос тривиальным.

Иначе говоря, организации гражданского общества в той или иной степени должны быть вовлечены в два вида деятельности: защиту тех или иных интересов на политической арене и оказание специализированных услуг (скажем, консультационных, информационных, выработки стандартов и т.д.). В принципе практически любые организации, сталкивающиеся с проблемой коллективного действия, должны сочетать в себе эти два аспекта, как это хорошо известно из классического анализа М. Олсона. Однако для организаций гражданского общества оказание услуг не является способом «компенсации», предоставления частных благ тем, кто отказывается от «отлынивания» в отношении коллективного действия, а представляет собой «равноправную» цель деятельности. Помимо этого, для гражданского общества нередки ситуации, когда организации создаются для оказания услуг или защиты интересов не своих членов (как это например, свойственно лоббистским структурам), а более широких общественных групп, далеко не всегда в явном виде предъявляющих спрос на подобную поддержку (правозащитное движение, организации помощи странам третьего мира). В предельном случае организации гражданского общества защищают «актеров», в принципе не обладающих «интересами» в стандартном смысле этого слова (для значительной части экологического движения защита окружающей среды является самоцелью, а не способом реализации целей тех или иных групп *человеческого общества*).

В научной литературе присутствует большое количество различных показателей гражданского общества, в основном сформулированных для межстрановых сравнений¹¹. Большинство из них так или иначе

¹¹ Подробнее см. наш обзор в: Либман А.М. Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ. // Рубинштейн А.Я., Лебедев А.Е. (ред.) Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. М.: Алетейя, 2011

отталкивается от этих трех критериев, но часто добавляет к ним еще один: ценностную ориентацию спонтанной самоорганизации. Предполагается, что организации «гражданского общества» привержены целям демократии, защиты прав человека и толерантности. Подобный подход является неоднозначным. Прежде всего, в отличие от трех перечисленных выше «объективных» критериев, призванных лишь «отсеивать» те или иные организации для обеспечения «чистоты анализа», в данном случае речь идет о чисто ценностной характеристике. Иначе говоря, гражданское общество становится идеологемой¹². Проблемы в этом случае возникают, во-первых, с точки зрения ценностной нейтральности исследований (которая, хотя и, возможно, недостижима на практике, является идеалом даже для общественных наук), а во-вторых, с исторической обусловленностью не только «объективной» эволюции, но и субъективного *определения* гражданского общества, используемого исследователем. Иначе говоря, еще пятьдесят лет назад представления о демократическом и правовом государстве, скажем, у большинства американцев (во всяком случае, представителей «белых-ангლოსаксов-протестантов») довольно сильно отличались от существующих у той же общественной группы сегодня (и допускали, например, практику узаконенной государством евгеники). Следовательно, как исследователи, мы рискуем оказаться в ситуации, когда наши результаты будут неприемлемы для ученых в будущем из-за смещения идеологических представлений общества.

Однако «идеологический» характер определения гражданского общества обладает и рядом преимуществ. Во-первых, он может все же несколько сузить чрезмерно широкое и разнообразное толкование гражданского общества, делающее эту концепцию непригодной для

¹² Кирдина С.Г. Институциональные основы гражданского общества. // Рубинштейн А.Я., Лебедев А.Е. (ред.) Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. М.: Алетейя, 2011

исследования. Скажем, такие структуры, как ХАМАС или даже «Аль-Каида» (или разного рода группировки на Северном Кавказе), полностью соответствует всем трем описанным выше критериям, но ставить их в один ряд с Amnesty International или Greenpeace, наверное, нецелесообразно. Мы рискуем оказаться в ситуации, когда наши исследования не смогут выявить сколь бы то ни было четкую характеристику влияния гражданского общества на экономическое и политическое развитие попросту из-за того, что гражданское общество включает в себя «все на свете». Можно было бы использовать альтернативный критерий: исключительно ненасильственные действия организаций гражданского общества. Однако в этом случае мы сталкиваемся с необходимостью четкого определения понятия «ненасильственный», что также не всегда возможно (достаточно вспомнить многие рискованные операции Greenpeace). А как поступать в ситуациях, когда организованная правозащитниками изначально мирная демонстрация перерастает в столкновения с полицией – или в результате провокаций, или в ответ на действия полиции, или попросту под влиянием эмоций (опять-таки, практика, далеко не чуждая современной России)? Иначе говоря, альтернативный критерий «ненасильственности» также вызывает определенные сомнения.

С эмпирической точки зрения, однако, важнее другое соображение: «научность» исследования не всегда совпадает с критерием «ценностной нейтральности». Здесь, наверное, уместно процитировать замечание, сформулированное исследователями международных отношений в связи с аналогичными проблемами, с которыми сталкивается их дисциплина:

«На наш взгляд, стремление к «объективности» в эмпирически ориентированных исследованиях международной политики как бессмысленно, так и непродуктивно. Большинство аналитиков,

например, явственно предпочитают мир войне или высокий уровень благосостояния и здоровья мирового населения болезням и голоду. Эти предпочтения являются смещенными и ненейтральными. Однако, хотя исследователи, опирающиеся на использование систематических эмпирических методов и не могут утверждать, что их работа является нейтральной и свободна от ценностных оценок (unbiased), *результаты* анализа, полученные с помощью систематических эмпирических методов должны быть независимыми от конкретного исследователя, которым они были получены, и подтверждены любым, обладающим необходимой квалификацией и готовым затратить необходимые время и энергию. Иначе говоря, результаты *являются* независимыми от исследователя в том смысле ... что даже идеологические или теоретические оппоненты исследователя способны воспроизвести результаты, используя те же самые методы и данные» (перевод авторов)¹³.

Эти же выводы вполне справедливы для исследований гражданского общества.

Иначе говоря, с точки зрения позитивного анализа ценностный подтекст не является проблемой, если он четко признан исследователем. Суть позитивного анализа состоит, упрощенно говоря, в установлении корреляций (а лучше – причинно-следственных связей) между явлениями. Поэтому для этого подхода существенно лишь четко определить, о каких явлениях идет речь, и после этого последовательно придерживаться правил и процедур современной эконометрики (что мы и попытаемся делать впоследствии – с оговорками, приведенными ниже), обеспечивающими

¹³ Ray J.L., Valeriano B. Barriers to Replication in Systematic Empirical Research on World Politics. // International Studies Perspectives. 2003. Vol. 4. No. 1. P.79-80

корректные со *статистической* точки зрения результаты (и могут быть реплицированы любым исследователем, располагающим нашими данными). В этой связи важно еще одно обстоятельство: если учесть, что термин «гражданское общество» активно используется в мировой литературе, целесообразно, наверное, использовать его точно так же, как это делает большинство исследователей во всем мире – то есть с тем же самым идеологическим подтекстом (четко осознавая наличие последнего). В противном случае, устанавливая те или иные причинно-следственные связи, отличные от обнаруженных другими исследователями, мы не сможем утверждать, связаны ли отличия с другой природой социальных процессов, или с тем, что рассматриваются другие социальные процессы. Иначе говоря, важно избегать «споров о терминах» и Бэконовских «идолов рынка», принимая термины точно так, как это делает большинство – просто потому, что с этим большинством приходится разговаривать.

Впрочем, существует и еще одна, чисто эмпирическая проблема: *оценки* гражданского общества на основе ценностных критериев могут оказаться сомнительными. Например, при определении уровня развития гражданского общества в тех или иных странах (при международных сопоставлениях) или регионах (как в интересующем нас случае) эксперты (особенно иностранные или «столичные») могут оказаться «в плену» стереотипов или текущей политической конъюнктуры. Опирайтесь на локальных исследователей также не всегда целесообразно: во-первых, их оценки часто еще более смещены за счет конъюнктурных факторов (как известно, «лицом к лицу – лица не увидать»), а во-вторых, они в принципе не всегда доступны¹⁴. Это серьезная проблема, лишь частично «компенсирующаяся» тем обстоятельством, что аналогичные сложности

¹⁴ Приведем пример из межстрановых сопоставлений: если скажем, в России, в Китае или на Украине существует мощное исследовательское сообщество, способное предоставить достаточное число экспертов с необходимой квалификацией, как быть со слабо развитыми африканскими странами? Аналогичные проблемы могут возникнуть и в отношении отдельных регионов России.

свойственны практически всем без исключения «оценочным» характеристикам институционального и политического развития - демократии, рыночной экономики и т.д. Иначе говоря, вопрос остается открытым. Правда, в нашем случае исследование внутривостановой динамики несколько смягчает эту проблему: именно поэтому сегодня многие исследователи рекомендуют использовать в качестве основного именно этот уровень анализа;¹⁵ однако и в данном случае, особенно в столь разнородной стране как Россия, некоторые регионы которой неспроста называют «внутренним зарубежьем», качество наших данных все равно может оказаться проблематичным.

Цель настоящей работы состоит, прежде всего, в *эконометрическом исследовании факторов гражданского общества*, опирающемся на уже существующие данные в этой области. Следовательно, мы вынуждены использовать во многих случаях спорные и несовершенные показатели. Однако, на наш взгляд, даже подобный ограниченный подход все же представляет определенный интерес. Естественно, если мы попытаемся сделать *нормативные выводы* (сразу отметим – в настоящей работе такая попытка не предпринимается, но нельзя исключать, что наши результаты будут использоваться соответствующим образом другими исследователями), ситуация будет выглядеть несколько иначе. Конечно, нет никаких оснований предполагать, что тот или иной идеологический конструкт является «желательным» результатом для всех без исключения обществ. Принцип «свободы от ценностных оценок» Вебера запрещает исследователями в области общественных наук высказывать суждения в этой области. Конечно, в исследовании конкретной страны (как России) мы *в принципе* можем попытаться утверждать, что наши нормативные выводы соответствуют позиции большинства, и уже на этой основе

¹⁵ Snyder R. Scaling Down: The Subnational Comparative Method. // Studies in Comparative International Development. 2001. Vol. 36. No. 1

формулировать нормативные выводы исследования. Однако понятие «большинства» здесь также является спорным, а с точки зрения стандартной экономической теории – вообще неприемлемым (поскольку, по сути, противоречит нормативному индивидуализму)¹⁶.

Движущие силы развития гражданского общества в регионах России

В настоящей работе для количественной оценки уровня развития гражданского общества в России мы будем опираться на данные Московского Центра Карнеги для российских регионов в первой половине 2000-х гг. Московский Центр Карнеги уже достаточно давно проводит оценки уровня демократии в российских регионах; при этом одна из компонент индекса Карнеги представляет собой оценку уровня развития гражданского общества¹⁷. Показатель, который будет использоваться в настоящей работе, представляет собой простейшую пятибалльную оценку, определенную экспертами для практически всех регионов России за 2000-2004 гг., где «пятерка» соответствует наиболее высокому уровню развития гражданского общества, а «единица» наиболее низкому. Сразу же следует подчеркнуть, что Центр Карнеги не преследовал цели исследовать *гражданское общество как таковое*; индекс, используемый нами, является «побочным продуктом» изучения уровня *демократизации* в российских регионах (и, кстати сказать, крайне высоко коррелирован с другими аспектами «демократизации», учитывавшимися Центром Карнеги). Соответственно, это может сделать оценку гражданского

¹⁶ Попыткой выхода из ситуации можно концепцию экономической социодинамики, однако проблема состоит в том, что, насколько можно понять, для данной концепции гражданское общество является одним из *факторов* формирования общественного интереса (а нас интересует нормативный критерий оценки гражданского общества – то есть получается замкнутый круг). Иначе говоря, нормативный анализ полученных нами далее выводов должен осуществляться предельной осторожностью. См.: Рубинштейн А.Я. Общественные интересы и гражданское общество. // Рубинштейн А.Я., Лебедев А.Е. (ред.) Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. М.: Алетейя, 2011

¹⁷ Данные опубликованы в *Социальном атласе российских регионов*, распространяющемся Независимым институтом социальной политики

общества несколько более узкой, чем использующуюся в других работах, скажем, при межстрановых сравнениях.

Наша выборка состоит из 79 российских регионов (мы исключили из анализа все автономные округа и Чеченскую республику, для которых частично отсутствуют интересующие нас данные). Мы используем продольные данные (поскольку индекс Карнеги доступен лишь за 2000-2004 гг. в целом), поэтому для всех остальных переменных мы рассчитываем средние значения за пять рассматриваемых лет. Для всех переменных (если иное не указано специально) использованы данные Росстата. В частности, в число объясняющих переменных входят:

- доход на душу населения в регионе; уровень урбанизации (доля городского населения);
- добыча нефти и газа (в тоннах условного топлива);
- уровень образования (доля лиц с высшим образованием по данным переписи населения 2002 г.);
- расстояние от столицы региона до Москвы (возможно, влияющее на формирование региональной и экономической системы);
- фиктивная переменная для республик;
- фиктивная переменная для регионов, «титульная нация» которых традиционно исповедует ислам;
- доля этнически русского населения (по данным переписи 2002 г.).

Как уже упоминалось, использование других «измерений» индекса демократизации Центра Карнеги для нашего анализа является сомнительным, поскольку их высокая корреляция с показателем развития гражданского общества может быть связана со спецификой генерирования данных: поэтому мы также используем два альтернативных показателя Института «Общественная экспертиза»: свобода СМИ (данные 2000 г.) и свобода региональных выборов (данные 1996-2005 гг.). Мы также оцениваем спецификацию, включающую в себя индекс противоправных

действий чиновников в регионе в отношении малого и среднего предпринимательства, рассчитанный по данным опроса ОПОРЫ¹⁸ как (очень приблизительную!) характеристику экономических институтов. Все регрессии оцениваются как методом наименьших квадратов (*Таблица 1*), так и (в силу природы зависимой переменной) с использованием ordered logit (*Таблица 2*). Необходимо подчеркнуть, что наши результаты в принципе могут быть подвержены проблеме эндогенности, поэтому они должны восприниматься как предварительные.

Для исследователя-экономиста перечисленные нами контрольные переменные представляют интерес с двух точек зрения. Во-первых, как уже говорилось, сама по себе задача определения влияния тех или иных факторов на эволюцию «гражданского общества», как важного параметра развития экономической системы, является крайне важной. Однако существует и другой аспект, заслуживающий упоминания. С точки зрения экономической науки гражданское общество, во-первых, является силой, влияющей на *качество институтов* (и, следовательно, если предполагать, что институты оказывают воздействие на поведение экономических агентов на рынках и политиков – на результаты рыночных равновесий и качество экономической политики), а во-вторых, само по себе представляет собой *альтернативный механизм координации экономической активности*. Между тем, для экономики проблема координации, наверное, является одной из фундаментальных¹⁹. Среди перечисленных нами контрольных переменных присутствует целый ряд альтернативных способов координации в экономической системе²⁰ –

¹⁸ См.: Вайнберг А., Рыбникова Т. Институциональные и географические факторы развития российских регионов [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.cemi.rssi.ru/isepweb/anal/geofact.htm>, 2006

¹⁹ Seabright P. The Company of Strangers: A Natural History of Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2005

²⁰ См. также Олейник А.Н. Таксономия властных отношений. // Политическая концептология. 2009. №2. Еще один возможный инструмент координации - институт денег. Собственно говоря, с точки зрения экономической теории и, в частности, именно деньги и стабильные цены являются «базовыми» инструментами координации, см., например, Zweynert J. Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change. // Journal of Institutional Economics. 2009. Vol. 5. No. 3; Zweynert J. Money and the

например, политическая система, или факторы культуры²¹. Следовательно, даже с учетом перечисленных нами выше оговорок относительно способности оценивать наши результаты в категориях *причинно-следственных* взаимосвязей, мы, как минимум, можем определить степень *корреляции* уровня развития альтернативных механизмов координации в обществе.

Основные результаты оценок являются однозначными. Единственной переменной, характеризующейся устойчивой и значимой корреляцией с показателем гражданского общества является уровень урбанизации: при этом взаимосвязь является положительной и (в силу стабильности показателя урбанизации во времени, во многом унаследованного от «советского прошлого») может интерпретироваться как причинно-следственная связь. Эффекты всех прочих переменных или являются неустойчивыми, или отсутствуют. Роль показателя урбанизации не связана с двумя «регионами-городами» Москвой и Санкт-Петербургом (где доля городского населения равна 100%); в *Таблице 1* мы оцениваем спецификацию, где включены контрольные переменные, представляющие собой фиктивные переменные для этих двух городов. Хотя уровень гражданского общества в «столицах» действительно значимо отличается от остальной части России (В Петербурге он существенно выше, а в Москве ниже, чем следовало бы ожидать, исходя из остальных характеристик этих регионов), эффект урбанизации остается в данной спецификации значимым и стабильным²².

Extension of Morals. The Case of the Soviet Union. // Critical Review, Vol. 24, No. 1. Однако, поскольку мы исследуем внутристрановую динамику, в данном отношении в начале 2000-х гг. регионы России можно считать относительно однородными.

²¹ О роли культуры как инструмента координации и генерирования инноваций см. Gorodnichenko Y., Roland G. Culture, Institutions and the Wealth of Nations. Mimeo, 2010

²² Мы не можем оценить данную спецификацию с использованием ordered logit из-за возникающей проблемы «совершенного предсказания» (perfect prediction), делающей интерпретацию результатов сомнительной.

Таблица 1: Развитие гражданского общества в регионах России, 2000-2004, МНК

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
Образование	4.368 (3.607)	1.757 (2.911)	1.918 (2.950)	0.923 (3.266)	0.890 (3.309)	1.105 (3.197)	-0.599 (3.252)	0.963 (3.787)	0.933 (3.360)	0.897 (3.267)
Доход на душу населения	0.038 (0.053)	-0.047 (0.045)	-0.055 (0.049)	-0.025 (0.064)	-0.025 (0.065)	-0.008 (0.065)	-0.036 (0.071)	-0.017 (0.088)	-0.027 (0.066)	0.092 (0.097)
Доля русского населения	0.906*** (0.290)	0.032 (0.321)	0.039 (0.323)	-0.026 (0.330)	-0.148 (0.649)	-0.167 (0.606)	-0.607 (0.724)	-0.323 (0.757)	-0.206 (0.646)	-0.009 (0.663)
Урбанизация		34.002*** (8.506)	34.193*** (8.561)	33.941*** (8.825)	33.797*** (8.934)	33.578*** (8.598)	30.901*** (8.846)	34.820*** (9.536)	33.763*** (8.935)	26.698*** (9.131)
Добыча нефти и газа			-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	0.000 (0.000)
Расстояние от Москвы				-0.039 (0.028)	-0.039 (0.028)	-0.038 (0.029)	-0.023 (0.027)	-0.035 (0.030)	-0.040 (0.028)	-0.067** (0.030)
Республика					-0.082 (0.339)	0.053 (0.328)	-0.032 (0.336)	-0.117 (0.395)	-0.083 (0.340)	-0.043 (0.343)
Свободные выборы						0.132* (0.069)				
Свобода СМИ							2.738** (1.074)			
Противоправные действия чиновников								0.002 (0.003)		
Ислам									-0.076 (0.250)	
Москва										-1.997* (1.022)
Санкт-Петербург										0.956** (0.423)
Константа	1.191* (0.629)	0.262 (0.549)	0.237 (0.551)	0.465 (0.605)	0.599 (0.849)	0.069 (0.802)	0.461 (0.838)	0.518 (1.072)	0.652 (0.828)	0.650 (0.901)
Число наблюдений	79	79	79	79	79	78	78	75	79	79
R²	0.152	0.305	0.307	0.322	0.323	0.373	0.363	0.317	0.323	0.379

Примечания: *** значимость 1%, ** значимость 5%, * значимость 10%. В скобках приводятся стандартные ошибки (используются робастные стандартные ошибки Хубер-Уайта); значимые результаты выделены жирным шрифтом

Таблица 2: Развитие гражданского общества в регионах России, 2000-2004, ordered logit

	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)
Образование	12.733 (10.316)	5.284 (8.024)	6.332 (8.144)	2.820 (9.180)	2.431 (9.462)	2.882 (9.795)	-3.555 (9.138)	2.903 (10.400)	2.472 (9.524)
Доход на душу населения	0.098 (0.156)	-0.199 (0.139)	-0.245 (0.150)	-0.159 (0.192)	-0.161 (0.190)	-0.108 (0.211)	-0.259 (0.264)	-0.149 (0.243)	-0.164 (0.192)
Доля русского населения	2.813** (1.182)	0.347 (1.336)	0.391 (1.351)	0.168 (1.354)	-0.557 (3.064)	0.281 (3.383)	-2.715 (3.188)	-1.690 (3.095)	-0.721 (2.987)
Урбанизация		123.798*** (31.571)	125.685*** (31.718)	128.660*** (33.754)	128.858*** (33.759)	139.314*** (35.637)	132.612*** (36.941)	131.417*** (34.615)	128.671*** (33.686)
Нефть и газ			0.001* (0.001)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)
Расстояние от Москвы				-0.122 (0.085)	-0.127 (0.091)	-0.128 (0.099)	-0.075 (0.087)	-0.113 (0.097)	-0.128 (0.090)
Республика					-0.431 (1.484)	0.316 (1.667)	-0.328 (1.462)	-0.734 (1.591)	-0.423 (1.496)
Ислам									-0.262 (1.083)
Противоправные действия чиновников								0.006 (0.008)	
Свобода СМИ							10.866*** (4.179)		
Свободные выборы						0.464* (0.254)			
Число наблюдений	79	79	79	79	79	78	78	75	79

Примечание: см. Таблицу 1

Гражданское общество и судопроизводство

Следующий этап нашего исследования связан с анализом влияния гражданского общества в регионах России на практику судопроизводства. Для этого мы воспользуемся данными Верховного суда РФ относительно особенностей региональной судебной практики. В принципе исследование судопроизводства на основе количественных критериев является одной из наиболее сложных задач для эмпирических работ; проблема состоит в том, что доступные наблюдаемые характеристики охватывают лишь небольшой спектр параметров, влияющих на судебную практику. Например, рост обвинительных приговоров по уголовным делам может быть связан как с ростом преступности, так и с увеличением масштабов неправомерных

преследований и злоупотреблений полиции (и мы не можем дифференцировать эти две характеристики, поскольку альтернативных данных о преступности у нас нет). В данной работе мы воспользуемся показателем, насколько нам известно, до сих пор практически не применявшимся в исследовательской практике, но в то же время крайне полезным с точки зрения российской специфики: *долей судебных процессов* (по определенным типам дел), *завершившимся тюремным заключением, в общем числе процессов, завершившихся судебным заключением или условным сроком*. Достоинства этого показателя связаны с тем, что в принципе речь идет об *одинаковых* по своему составу делах, которые, однако, в силу каких-то *внешних факторов* (личности обвиняемого, наличия иждивенцев, характеристик с места работы, политического давления) заканчиваются *принципиально* разными последствиями для обвиняемого – наверное, нет смысла пояснять, почему в России (да и не только) «условный» срок куда предпочтительнее «реального». Иначе говоря, наиболее интуитивной интерпретацией этого показателя является его восприятие как *меры репрессивности судебной системы* – впрочем, возможны и альтернативные интерпретации, которые мы обсудим ниже²³.

В настоящей работе мы воспользуемся данными за 2010 г. и рассчитаем приведенный выше показатель репрессивности для всех регионов России (с указанными выше оговорками). После этого мы рассчитаем коэффициенты корреляции (Пирсона и – с учетом того что индекс Центра Карнеги является порядковой величиной – Спирмана) между этими показателями репрессивности и индексом Центра Карнеги. Сопоставление показателей 2010 и 2000-2004 гг. не является проблемой, если интерпретировать гражданское общество как устойчивую

²³ См. также Libman A., Kozlov V., Schultz A. Roving Bandits in Action: Outside Option and Governmental Predation in Autocracies. // Kyklos, 2012, Vol. 65, No. 4; Schultz A., Kozlov V., Libman A. Judicial Alignment and Criminal Justice: Evidence from Russian Courts. // Post-Soviet Affairs, forthcoming

характеристику, мало меняющуюся со временем, Мы понимаем, что корреляционный анализ является лишь первым и предварительным шагом к исследованию интересующей нас темы – однако, как показывает *Таблица 3*, уже при использовании простых коэффициентов корреляции мы можем получить несколько интересных результатов. В большинстве своем коэффициенты корреляции являются незначимыми (или неустойчивыми, как корреляция между уровнем развития гражданского общества и репрессивностью в делах о лжепредпринимательстве²⁴). Однако один из коэффициентов корреляции является значимыми и крайне устойчивым – *уровень репрессивности судебной системы в отношении дел о получении взятки отрицательно коррелирован с уровнем развития гражданского общества*. Далее мы попытаемся обсудить этот результат более подробно.

Таблица 3: Развития гражданского общества и репрессивность по отдельным типам преступлений

Тип преступлений	Корреляция Пирсона	Корреляция Спирмана
Кража	0.034	0.034
Мошенничество	0.067	0.067
Мошенничество в крупных размерах	0.012	-0.012
Мошенничество в особо крупных размерах	-0.106	-0.065
Растрата	0.066	0.114
Растрата в размерах	-0.032	0.065
Растрата в особо крупных размерах	-0.127	-0.039
Лжепредпринимательство	0.292*	0.337**
Уклонение от налогов	-0.020	0.064
Получение взятки	-0.252**	-0.209*
Дача взятки	-0.058	0.071

Примечание: см. Таблицу 1

При признанном всеми международными рейтинге крайне высоком уровне коррупции в России, уголовные дела, связанные с получением взятки не является распространенной категорией дел. Как правило, судебные процессы по данному обвинению носят резонансный характер и проводятся с целью передела сфер влияния, избирательного наказания конкретных лиц, нарушивших внутренние, как правило, неформальные правила вертикали власти или запугивания. Кроме того, если

²⁴ Данная корреляция исчезает (коэффициент Пирсона), если мы контролируем на общее число приговоров всех типов по всем делам в регионе. Корреляция уровня развития гражданского общества и репрессивности по делам, связанным с дачей взяток, устойчива к этой трансформации.

абстрагироваться от громких судебных процессов, возбуждение уголовных дел, связанных с получением взятки, может носить во многом случайный характер, так как план по осуждению каждый год предоставляется региональным исполнителям, которые для его исполнения отбирают по известной им схеме или в произвольном порядке несколько явных случаев.

Поэтому можно привести два альтернативных подхода к интерпретации полученных нами ранее результатов. С одной стороны, представляется возможность дать объяснение, опираясь на подход к особенностям российского гражданского общества, предложенные С.Г. Кирдиной²⁵. Согласно исследованиям специалиста, российское гражданское общество качественно отличается от западного тем, что роль гражданина в нем возрастает в связи с укреплением государства и институтов власти, таким образом, общество не противопоставляется государству, а выступает в качестве его партнера. Наличие в России так называемой «редистрибутивной X-экономики», характеризующейся включенностью общества в разнообразные хозяйственные структуры, что приводит не к борьбе против государства, а мирному сосуществованию. Следовательно, гражданское общество в России выступает в качестве соисполнителя функции управления страной наряду с органами государственной власти. Соответственно, в настоящий момент гражданское общество в России или считает коррупцию неотъемлемой частью хозяйственной жизни страны и важным условием для выживания, или считает слишком дорогой и бесполезной борьбу с данным явлением, таким образом, ему выгоднее следовать принципам распространения коррупции.

Иначе говоря, в условиях коррупции, распространенной и не осуждаемой обществом, а также в реальности, несмотря на многократные

²⁵ Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологии // Социологические исследования. 2012. №2

декларации и заявления, не ограниченной на государственном уровне, нормальной реакцией более развитого гражданского общества будет защита своих членов, пострадавших от формального правоприменения в рамках борьбы с данным явлением, которое неформально не осуждается. Аналогично в подтверждении данной гипотезы работает концепция «гражданского участия», в рамках которой стоит обратить внимание на развитие гражданских инициатив. Предложенные в ходе самодеятельности населения те или иные формы защиты интересов граждан, а также процедуры воздействия на имеющиеся правила с целью их коррекции в пользу большинства населения, предполагают дальнейшую их легитимизацию и институционализацию. Таким образом, развитое гражданское общество способствует переводу сложившейся коррупционной традиции в России в институциональную форму, способствуя лучшей защите интересов, граждан, попавшихся на получении взяток, в судах.

Данный вывод, впрочем, не соответствует обычной «ценностной» нагрузке понятие «гражданское общество», используемой, насколько мы можем судить, и при расчете индексов Центра Карнеги. Однако возможно, что эксперты в своих оценках тех или иных регионов основное внимание уделяли другим аспектам российского гражданского общества, соответствующим используемым ценностным критериям, в то время как *в реальности* практика спонтанной самоорганизации гражданского общества, не наблюдаемая и даже не декларируемая, ведет к результатам, описанным выше. Действительно, одна из главных проблем неформальных институтов состоит не только в том, что они могут противоречить формальным с точки зрения предписываемого поведения, но и в том, что может возникнуть разрыв между предписываемым поведением и реальной практикой, не осуждающейся обществом. Едва ли кто-то (включая даже коррумпированных чиновников) в России станет одобрять коррупцию: но

на практике поведение может сильно отличаться от декларируемой нормы (и эти отличия не будут осуждаться обществом)²⁶.

Если это так, то, по всей видимости, гражданское общество в России, скорее, способно затормозить развитие эффективной экономики; хотя в литературе и встречаются аргументы в пользу коррупции (как способа преодоления барьеров, создающихся плохо организованной и неэффективной бюрократией), в большинстве исследований признается, что коррупция оказывает негативное влияние на экономическую динамику²⁷. Правда, с точки зрения концепции Х-матрицы, общества «незападного» типа должны были бы характеризоваться столь же высоким уровнем благосостояния, сколь и западные, если они ориентируются на свои собственные «врожденные» институты. Однако с эмпирической точки зрения этот вывод представляется, мягко говоря, сомнительным; даже высочайшие темпы роста Китая (отнесение которого к «классической» Х-матрице является, вопреки мнению С.Г. Кирдиной²⁸, крайне сомнительным²⁹), в обозримом будущем рассчитывать на то, что этой стране удастся достигнуть уровня благосостояния европейских стран не приходится.

С другой стороны подобный феномен может быть объяснен не столько с позиции особенности российского гражданского общества, сколько с позиции особенностей российского правоприменения и системы стимулов, сложившейся у участников уголовного процесса от сотрудников криминальной полиции до судей. Согласно исследованиям специалистов Европейского Университета в Санкт-Петербурге³⁰, вся система уголовного

²⁶ Детальнее эта тема разрабатывается в: Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация: влияние неформальных институтов. // *Общественные науки и современность*. 2006. №6

²⁷ См., например, Mauro P. Corruption and Growth. // *Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110. No. 3

²⁸ Кирдина С.Г., Кондрашова Л.И. (ред.) Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз. М.: ИЭ РАН, 2010

²⁹ См., например, Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press, 2000

³⁰ См.: Панеях Э. Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках отношений. // *Полития*. 2011. №2; Панеях Э.Л. Титаев К.Д. Волков В.В., Примаков Д.Я. Обвинительный уклон в уголовном

правоприменения в России построена с обвинительным уклоном. Кроме того, система отчетности в органах, связанных с уголовным правоприменением построена таким образом, что разобраться в сути дела становится все сложнее, процент осужденных по всем статьям находится на стабильно высоком уровне, равно как и вероятность ошибок правоприменения первого и второго рода. По мнению исследователей в данных условиях единственной возможностью для честного судьи «оправдать» честного гражданина является вынесение решения суда об условном сроке. Невозможность использования оправдательных приговоров вместо условных сроков, которые, безусловно, портят биографию осужденного, объясняется возможностью обжалования приговора прокуратурой. Не стоит забывать, что целью прокурора является доведение резонансного дела до наказания или же выполнение очередного плана, спущенного сверху. Обжалование в большинстве случаев, согласно исследованиям Европейского Университета приводит к отмене оправдательного приговора, а в результате отмена приговора в высшей инстанции будет однозначно истолкована, как ошибка судьи и в рамках сложившейся системы стимулов приведет к негативным для него последствиям. Таким образом, оптимальной стратегией судьи выступает вынесение обвинительного приговора, но с условным сроком заключения. Конечно, в тех случаях, где прокуратура не заинтересована в дальнейшем развитии дела.

Таким образом, можно предположить, что в регионах, где гражданское общество более развито, судьи являются более «честными» и в большей степени подконтрольными обществу, что объясняется рядом факторов. Например, общественные организации могут оказывать определенное давление на судей, или же сами судьи чувствуют себя

членами гражданского общества и стремятся к более детальному и гуманному рассмотрению дел. Судьи в данном случае понимают, имея доступ к большому количеству информации, в том числе и закрытой для многих сторонних наблюдателей, что коррупционные дела, доходящие до суда, часто не представляют большой общественной опасности и выступают в качестве резонансных дел или осуждений по плану, спущенному сверху. Таким образом, в регионах с развитым гражданским обществом, судьи пытаются всячески смягчить выносимые по данным делам приговоры. При этом, вряд ли стоит ожидать смягчение приговоров по громким делам, так как в них заинтересована прокуратура и непосредственные заказчики дела. Следовательно, ещё одной возможной интерпретацией полученного результата может являться тот факт, что в регионах с развитым гражданским обществом количество резонансных дел по коррупции ниже.

* * *

Подведем итоги. Исследования региональной вариации гражданского общества в России в настоящей работе является предварительным — как с точки зрения обсуждавшихся нами эконометрических проблем, так и количественных показателей. Тем не менее, нам удалось сформулировать несколько наблюдений, которые могли бы вызвать интерес у исследователей. Во-первых, гражданское общество в России определяется, прежде всего, уровнем урбанизации (причем речь не идет об эффекте двух столиц — Москвы и Санкт-Петербурга) и практически не связано с уровнем дохода. Любопытно, что выводы вполне соответствуют результатам, полученным в других наших работах для исследования постсоциалистических стран в целом: урбанизация и там является значимым и положительным детерминантом

развития гражданского общества, а среднедушевой ВВП является незначимым³¹.

Во-вторых, развитие гражданского общества в регионах России, по всей видимости, влияет не только на традиционно обсуждающиеся в этом контексте политические вопросы, но и на такой достаточно мало исследованный в этом контексте параметр, как практику уголовного судопроизводства. В частности, развитие гражданского общества сопровождается ростом доли условных приговоров в общем числе дел, заканчивающихся или «реальным», или «условным» тюремным приговором, по обвинениям в даче взятки. Нами приводятся два альтернативных объяснения этому феномену, позволяющие по-новому оценить эволюцию гражданского общества в России. Доступные нам данные не позволяют четко дифференцировать приведенные интерпретации; поэтому мы вынуждены ограничиться лишь констатацией существующих между ними различий, оставив более детальный анализ для будущих исследований.

³¹ См.: Либман А.М. Цит. изд. 2011